

Николай Добролюбов

**Несколько слов от редакции
по поводу предыдущей статьи**

Николай Александрович Добролюбов

Несколько слов от редакции по поводу предыдущей статьи

Заметка является послесловием к сочинению Н. П. Макарова «Задуманная исповедь. Назидательная быль с вариациями на "точки зрения"», опубликованному в этом же номере «Современника» (1859, № 11). «Задуманная исповедь» Макарова, произведение посредственное в художественном отношении, привлекла внимание Добролюбова как бытовой документ. Материал «Исповеди» против желания автора показывает разложение дворянства и разоблачает буржуазную мораль.

Содержание

#1	0005
Примечания	0009

**Николай Александрович
Добролюбов**

**Несколько слов от редакции
по поводу предыдущей
статьи**

«Задушевная исповедь» г. Макарова вовсе не имеет характера обличительного в нынешнем смысле. Тем не менее мы с удовольствием даем ей место в нашем журнале, находя в ней такие качества, каких доселе не встречали в обличительных статьях, постоянно печатаемых в последнее время. Там мы видим обыкновенно рассказы людей, посторонних делу, смотрящих на него с высшей точки зрения, удивляющихся, негодующих, но принимающих лишь случайное и внешнее участие в том, что они изображают. Там пред нами врачи и следователи. Здесь, напротив, сам больной рассказывает нам свою болезнь; здесь одна из тяжущихся сторон излагает весь ход своего дела. Г-н Макаров в своей «Исповеди» не щадит и самого себя; он вовсе не выставляется пред читателями идеалом добродетели и непогрешимости; но в этом-то и заключается живое значение его рассказа. Читатель может судить, как ему угодно, — о взаимных отношениях двух героев этой истории. Мы не желаем предупредить общее мнение в пользу или к невыгоде того или другого из них; да и сам автор «Исповеди» не

хочет этого. Указывая на процесс Бомарше с Гецманом, г. Макаров сам определяет то значение, которое он желает придать своему откровенному рассказу: он излагает подробно и искренно все обстоятельства дела, не имея ни малейшей претензии делаться судьей собственного процесса, а ожидая беспристрастного суда от читающей публики.[1] Может быть, читатели взглянут на отношения г. Макарова к описываемому им лицу несколько иначе, нежели как смотрит на них сам автор; может быть, многие не найдут в фактах «Исповеди» достаточного повода к какому-нибудь серьезному обвинению; мы желаем предоставить в этом полную свободу суждения каждому читателю и остаться совершенно в стороне. Но независимо от всякой мысли о том, кто прав, кто виноват, в «Задуманной исповеди» есть другой интерес – интерес верного изображения русской жизни, сделанного без всякой задней мысли. Мы видим здесь двух человек: один пользуется обстоятельствами, другой делается постоянно жертвою этих же самых обстоятельств. Читая внимательно «Исповедь», вы ясно видите, какие

свойства ума и характера нужны в нашем быту для того и другого и в какой степени сами жертвы обстоятельств помогают не только обогащению, но и возвеличению тех, которые из тех же обстоятельств извлекают свои выгоды. С одной стороны, простосердечная доверчивость, надежда на чужое слово, упорство в обольщении относительно доброжелательства другого, кроткая готовность бескорыстно жертвовать своим трудом и личностью для того, кто только сумеет воспользоваться этой готовностью; а с другой – искусство задавить в себе сознание человеческих прав другого и гуманное уважение к чужой личности, умение взглянуть на своих братьев только лишь как на орудие своих личных видов, – все эти противоположные черты, столь общие, столь знакомые, столь неизбежные во всех сферах и оттенках русской жизни – чрезвычайно живо и ярко являются в «Задумшевной исповеди», – являются сами собою, без всякой заранее назначенной цели, без всякого нарочно сочиненного плана. Как бы кто ни судил о литературных достоинствах «Исповеди», но нам кажется, что она не может не заинтересовать

всякого, кого занимали иногда вопросы об источниках и средствах общественных успехов и житейского величия разных деятелей русской жизни. По прочтении этой «Исповеди» читатель может, пожалуй, ограничиться только заключением, что один из героев – человек ловкий, а другой – неловкий. Но какими именно явлениями обнаруживается в нашем обществе эта *ловкость* и *неловкость*, – вот что изображает нам «Задуманная исповедь» г. Макарова и вот на что, по нашему мнению, должно быть обращено особенное внимание читателя.

Итак, повторим еще раз, что, печатая «Исповедь» г. Макарова, мы вовсе не думаем придавать ей значения сильного обвинительного акта, но ценим ее как искреннее, простосердечное, непосредственное изображение многих из тех сторон русской жизни, которые обыкновенно теряют свой цвет и свежесть в обдуманых и передуманных рассказах наших обличителей по призванию.

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 11, отд. I, стр. 219–220, без подписи. Авторство Добролюбова особо оговаривается гонорарной ведомостью «Современника» за 1859 год (ЛН, № 53–54, стр. 256).

Заметка является послесловием к сочинению Н. П. Макарова «Задуманная исповедь. Назидательная быль с вариациями на “точки зрения”», опубликованному в этом же номере «Современника». В 1859 же году вышла отдельным изданием, а позже включена Макаровым в беллетризованную автобиографию «Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь» (ч. 1–4, СПб., 1881–1882).

«Задуманная исповедь» Макарова, произведение посредственное в художественном отношении, привлекла внимание Добролюбова как бытовой документ. Материал «Исповеди» против желания автора показывает разложение дворянства и разоблачает буржуазную мораль, носителем которой в книге является откупщик В. А. Кокорев под именем Шту-

карева. Облик Кокорева очень интересовал Добролюбова типичными чертами либерального предпринимателя; в этом плане Добролюбов высказывался о нем неоднократно (см., например, материалы «Свистка» № 3, октябрь 1859 года, № 5 и др. – т. 7 наст. изд.).

Комментарии

Процесс Пьера Бомарше с парламентским советником Гёзманом (у Добролюбова – Гецманом) явился результатом спора известного французского драматурга с графом де Лаблаш по делу о наследстве банкира Пари-Дюверне. Процесс имел большой общественный резонанс. «Мемуары» («изложение обстоятельств дела»), выпущенные Бомарше в 1773–1774 годах, явились документом, разоблачавшим коррупцию судебных органов феодальной Франции.

[^^^]